

ДЖИЛЛИАН МАККЕЙН
ЛЕГС МАКНИЛ

ДОРОГОЙ НИКТО

НАСТОЯЩИЙ ДНЕВНИК
МЭРИ РОУЗ

18+

Настоящая сенсация!

Джиллиан Маккейн

**Дорогой Никто. Настоящий
дневник Мэри Роуз**

«АСТ»

2013

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Маккейн Д.

Дорогой Никто. Настоящий дневник Мэри Роуз / Д. Маккейн — «АСТ»,
2013 — (Настоящая сенсация!)

Пожалуй, школьные годы считаются одними из лучших в нашей жизни. Но для Мэри Роуз, пятнадцатилетнего подростка, это не так. Одиночество, равнодушие взрослых, насмешки одноклассников, попытки скрыть ото всех свою болезнь – такова реальность для Мэри. А ведь больше всего на свете ей хочется быть любимой и иметь друзей. И она действительно готова пойти на все ради своей мечты. Даже если ей это будет стоить жизни. Эта книга – не вымысел. Эта книга – откровение. Эта книга – настоящий дневник Мэри Роуз.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Маккейн Д., 2013
© АСТ, 2013

Содержание

Предисловие	6
Рединг, Пенсильвания	7
Финиксвилл, Пенсильвания	12
Финиксвилл, Пенсильвания	16
Финиксвилл, Пенсильвания	18
Вернерсвилл, Пенсильвания	25
Фонд «КБЮРОН»	26
Финиксвилл, Пенсильвания	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Джиллиан Маккейн, Легс Макнил
Дорогой Никто. Настоящий
дневник Мэри Роуз
Роман

Gillian McCain, Legs McNeil

Dear Nobody. The true diary of Mary Rose

© Gillian McCain and Legs McNeil, 2013

© Перевод. О. А. Мышакова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Предисловие

Что, если фраза «с возрастом пройдет» к вам неприложима? Как бы вы предпочли прожить подростковый период, зная, что каждый день может оказаться последним?

Эти дневники Мэри Роуз вела с пятнадцати до семнадцати лет, откровенно записывая все – от влюбленности до борьбы с зависимостью и попыток разобраться, как оставить свой след в мире. Стил изложения сильный – и неприглаженный, саднящий. Мэри Роуз пишет порой жестко, порой забавно и чаще всего удивительно глубоко.

В середине девяностых Интернет уже существовал, но доступен был не всем. Старшеклассники писали обычные письма, обменивались бумажными записками и звонили друзьям по домашнему телефону. Родители не могли контролировать своих отпрысков через социальные сети. Если девчужке случалось идти ночью под дождем по пустому шоссе, у нее не было мобильного, чтобы позвонить домой и попросить за ней подъехать.

А главное, подростки не описывали свою жизнь в ста сорока символах. Они живописали события в толстых блокнотах или длинных письмах друзьям, которые клали в конверты, наклеивали марки и опускали в почтовый ящик. Фотографии приходилось проявлять в мини-маркете, а чтобы сосчитать друзей, хватало пальцев на руках. Существовала еще реалья, называемая личным пространством: что-то удавалось сохранить в секрете. У мыслей имелось место для развития. У подростков было время размышлять. Они умели красочно описывать, какой была вода, когда ночью они купались обнаженными – им и в голову не приходило беспокоиться, что на следующий день их фотографии в голом виде появятся в Фейсбуке.

Но переживания и проблемы Мэри Роуз не отличались от тех, с которыми подростки сталкиваются и сегодня: одиночество, неуверенность, депрессия, эмоциональное, физическое и сексуальное насилие, наркотики и алкоголь, травля в школе, ссоры, расставания, развод родителей.

Каждое слово этой примечательной исповеди – правда, хотя все имена, кроме имени автора, изменены из соображений приватности. Одна из подруг Мэри Роуз в ответ на вопрос: «Что из недавно прочитанного понравилось вам больше всего?» показала нам ее дневники. Дневники поразили наше воображение. Наша книга – лишь небольшая выборка из шестисотстраничного труда девочки-подростка, но мы не изменили ни слова.

Добро пожаловать в удивительный мир Мэри Роуз. Надеемся, ее история окажется для вас столь же незабываемой, как и для нас.

Джиллиан Маккейн

Рединг, Пенсильвания Конец осени 1996 г.

Дорогой Никто!

Сегодня меня арестовали. Неохота признаваться, но со мной такое бывает.

У меня в руке была литровая пивная бутылка и вторая в школьном рюкзаке, плюс от меня пахло пивом. Я шла с двумя друзьями, и тут этот коп подкатывает и спрашивает:

– Что-нибудь случилось?

Отвечаем – ничего, но коп указывает на меня:

– А почему у нее такой грустный вид?

Я начала плести – типа рассталась с парнем, но коп уже заметил бутылку, которую я прятала под курткой.

Меня арестовали, но приятелей не тронули, потому что при них алкоголя не было. Из отделения полиции меня забрала мать, и по дороге домой мы посра... поссорились – я ей припомнила, как три года назад у нее нашли в машине анашу, причем до фига.

Ну, в результате я хлопнула дверцей и потащила свою пьяную задницу домой пешком, но оказалось, шла не туда. Я не могла пройти от Рединга до Потстауна, там больше двадцати миль. Черт, я бы так и топала, если бы не увидела знакомый молл и не опупела – типа а теперь что? Я развернулась и вошла в закрывавшийся магазин – шел уже одиннадцатый час. Вообще я шагала с рекордной скоростью. Повезло, что я сейчас в хорошей форме – фиг бы мне так ускориться во время обострения.

Словом, у меня было время все хорошенько обдумать.

В Рединге я нарочно попала на глаза патрульным в машине, потому что уже шел мой личный комендантский час, и я надеялась – родная полиция подбросит до дома. У меня было предчувствие, что штрафовать меня не станут. После всего дерьма, что со мной случилось, – да ни за что.

Коп проводил меня до крыльца и поговорил со мной и матерью. Сказал, хочет, чтобы я выросла счастливая и здоровая и когда-нибудь познакомила его с моими детьми, и дожила до старости.

Во-первых, детей у меня не будет.

Во-вторых, состариться мне не суждено.

Трудно состариться, когда ты мертва.

* * *

Дорогой Никто!

Сегодня приятель моей матери, Джо, угрожал моей жизни: сказал, что перережет мне плотку, свернет шею и охотно отсидит – дескать, оно того стоит. Мать попыталась меня защитить, но он пригрозил утопить ее в реке, и она замолчала (пловчиха из нее НИКАКАЯ).

Джо с пеной у рта сыпал угрозами и гнобил нас худшим способом, который знал: обозвал меня полудохлой засранкой. Увидев, что он разошелся, мать побежала выносить из дома анашу, чтобы можно было вызвать полицию. Я сказала Джо, что не боюсь его и «вообще, пошел на фиг из нашего дома!». Он взбеленился – чем меня-то напугать? Видимо, ощутил собственное бессилие. Джо попытался меня поймать, но мать встала между нами и велела ему оставить меня в покое. Он схватил ее за руку – ту самую, которую с хрустом сломал при мне отчим Даррелл, когда мне было восемь лет, – и дернул к себе. Он тяжело дышал, беш-

ные глаза налились кровью. Моя беззащитная и до отвращения слабая мать с привычным страхом на лице кротко защищалась, пытаюсь его оттолкнуть. Во мне ничто не взорвалось, глаза не заволочило красной пеленой – я осталась спокойной и невозмутимой (КОМУ-ТО же надо было).

Я отказываюсь жить в обстановке злобы и страха. Глядя в упор в сумасшедшие глаза, в которых клокотала ярость, – так на Джо наверняка не смотрела ни одна женщина, тем более девочка-подросток, – я четко произнесла:

– Убери руки от моей матери. Никто ее так хватать не будет. Никто не будет бить мою мать, тем более ты, подонок, поднимающий руку на женщину! Снова в тюрягу захотел?

(Джо отбывал срок за нанесение побоев и похищение, помимо всего прочего.)

На минуту он остолбенел, совсем как Даррелл (я сказала ему практически то же самое). Но шок у Джо долго не продлился: в новом приступе ярости он швырнул мою мать о дверь, на которой было закреплено большое зеркало. Она упала, схватившись за ушибленную руку. Джо заорал еще громче, но я не боялась – даже пульс не участился и пот не выступил.

Он взревел:

– ТАК, НУ ВСЕ, СУЧКИ, ВЫ ДОВЫПЕНДРИВАЛИСЬ, ЩА ВАМ МАЛО НЕ ПОКАЖЕТСЯ! СОСЕДИ ПОЛИЦИЮ НЕ ВЫЗОВУТ – НИКТО ВАС, МОКРОЩЕЛОК, НЕ УСЛЫШИТ!

Он пошел на меня, отшвыривая с дороги мебель. Я забралась с кровати на подоконник и изо всех сил заорала в форточку:

– ВЫЗОВИТЕ ПОЛИЦИЮ! ПОМОГИТЕ! НА ПОМОЩЬ! ПОМОГИТЕ МОЕЙ МАМЕ!

Он схватил меня и крикнул:

– Ты что творишь, сучка?!

Он бросил меня на кровать и вывернул правую руку. Мать прыгнула на Джо, он ее сбросил, но я успела вырваться. Мать схватила пакет с анашой, и мы выбежали из дома (в сотый раз). Я продолжала громко звать на помощь.

Сев в машину, я огляделась. Никто из соседей даже к окнам не подошел – попрятались за тонюсенькими, с отвратительной изоляцией, стенами нашей многоэтажки.

Джо не раз грозился, если мы его бросим, позвонить копам и сказать, что у матери при себе унция травки. Я предложила отдать ганджубас мне, чтобы, если Джо стукнет в полицию, можно было сказать, что это мое. Мать отдала мне пакет; я его скрутила, чтобы поместился в карман. Как всегда, мы поехали к маминой подруге, только на этот раз мать не стала рассказывать, что вытворяет Джо, а просто оставила анашу, и мы уехали.

Мать четыре раза звонила Джо из таксофонов, расстраиваясь все сильнее, потому что он не желал уходить из нашего дома. Сказал, уйдет, если она даст ему семьсот долларов (в прошлый раз просил двести восемьдесят). Глядя, как мать нервно курит у таксофона, я вынула ее чековую книжку и спрятала под сиденье.

Мать. Мама. Мамочка.

Телефонная трубка в одной руке, сигарета в другой – взгляд растерянно блуждает, голос дрожит. Флуоресцентная лампа на потолке таксофонной будки окружала ее голову светящимся ореолом. Мне вспомнилось детство, когда я считала свою мать святой или ангелом, как все малыши, вопреки обстоятельствам. Мне стало грустно – от детских заблуждений давно осталась одна труха, но хандру как рукой сняло, когда я услышала, что она предлагает подвезти Джо. Она сказала, что встретит его и отвезет до дома его родителей!

Выскочив из машины, я заорала как резаная:

– НЕ ПОВЕЗЕШЬ ТЫ ЕГО НИКУДА! Я НЕ ОСТАВЛЮ ТЕБЯ ОДНУ С НИМ НА ДВА ЧАСА!

Джо несколько раз избивал ее в машине и пытался задушить: на лице и шее остались синяки. Когда мать села за руль, я начала кричать и плакать, повторяя, что боюсь ее потерять, ведь больше у меня никого нет, и я этого не вынесу. Я просила, умоляла, унижалась, пресмыкалась, бушевала, приводила разумные доводы и молилась. Затем выскочила из машины и пошла в другую сторону. Понятия не имею, где мы стояли и куда я шла.

Мать сначала за мной не поехала, но довольно скоро притормозила рядом и велела садиться, если я не хочу идти пешком до самого дома. После десяти минут препирательств я сказала:

– Если я сяду в машину, мы остановимся у первого же таксофона, ты позвонишь в полицию и покажешь копам синяки на руках. Или давай стоять здесь всю ночь, чтобы я хотя бы знала – ты в безопасности.

Мать газанула с места, оставив меня, свою пятнадцатилетнюю дочь, в полночь в незнакомом городке, испуганную и одинокую. Я присела на травянистый холм у перекрестка и заплакала. Потом снова спустилась к дороге ждать: во мне теплилась надежда, что мать разволнуется и вернется за мной.

Она так и не вернулась.

Заметно похолодало, с неба сеял противный дождь, и я стала искать, где спрятаться. У заброшенной бензоколонки нашелся туалет со сломанной дверью. Плача, я вошла туда. Когда слезы кончились и остались только всхлипывания, я начала молиться.

Я спросила Бога:

– За что?

Почему это происходит?

За что мне столько боли?

Я помолилась еще – и дождь прекратился. Я пошла по шоссе. Было так темно, что различить дорогу удавалось, только когда мимо проезжали машины – раз в несколько минут. Странные звуки из леса и пустое шоссе напоминали эпизод из фильма ужасов. Мне вспомнились лица пропавших девушек из шестичасовых новостей. Чем себя накручивать, я решила помолиться еще и попросила Бога помочь мне и матери добраться домой невредимыми.

Я шла почти час, периодически ища взглядом мамину машину. Я почти бежала, стараясь не опускать головы. Я устала, но пыталась держаться гордо. Я чувствовала себя скорее воином Господа, чем его дитятей. Я уже столько повидала и переживала, что знала – Бог со мной, он любит меня и помогает, когда бросили все остальные.

Я поглядывала, не проедет ли мимо патрульная машина, зная, что даже если меня задержат за пребывание на улице в ночное время, то хотя бы отвезут домой (за восемьдесят-то долларов) или хоть скажут, в каком направлении идти. Наконец мимо проехал минивэн. За стеклом пассажирского сиденья угадывался козырек мальчишечьей кепки. Минивэн сбросил скорость и остановился в паре футов. На всякий случай я замедлила шаг, готовая кинуться наутек.

Мальчик в кепке высунул голову из окна:

– Ты Меган?

Я покачала головой. Женщина за рулем спросила, куда я иду. Я ответила, и она любезно предложила меня подвезти, хотя ей надо было совсем в другую сторону. Она отнеслась ко мне очень тепло, как и мальчики моего возраста, сидевшие сзади. Меня спросили, сколько мне лет.

Я ответила – пятнадцать. Один из пацанов спросил, в одиннадцатом ли я классе. Я неловко призналась, что на следующий год пойду в девятый. Врать не хотелось, но я заявила – это потому, что моя семья много переезжала. Женщина, кажется, поняла, пацаны промолчали.

Дома было на редкость уютно без бесчинств Джо. Я съела то, что должно было быть ужином, пока мы не сбежали из дома. По «Эйч-би-о» показывали фильм о маньяке, убивавшем людей в автомобилях, притормаживавших на шоссе. Я не стала смотреть.

Вернулась мать, целая и невредимая, но грустная. Сказала, Джо был «подавлен», когда она отвозила его домой. Как это понимать, не знаю.

Вот так прошла моя среда.

Спокойной ночи.

* * *

Дорогой Никто!

Можно подумать, мало нам проблем с Джо: ночью, даже без звонка, заявился мой отчим и просил денег.

Даррелл – биологический отец моей сводной сестры Николь и почти что мой отец. Это я раньше так думала.

Таким пьяным и буйным я не видела Даррелла с тех пор, как мать была на пятом месяце беременности, а он швырнул ее на пол ванной. Затем он швырнул туда и меня, а сверху полетели телефон и телефонный справочник. Даррелл сказал – у нас полчаса, чтобы убраться из квартиры и больше не появляться. Помню, мать, лежа на боку, звонила своей подруге Джейн. Она сказала, что у нее вроде сломана рука и идти она вряд ли сможет.

На шее и выше локтей у нее были свежие синяки вперемешку со старыми. Я смотрела на дело рук моего отца, моего героя, и меня так трясло, что я даже не могла говорить. Я в жизни никогда так не боялась. В детстве мне всегда хотелось, чтобы у меня был папа. Ох, будьте осторожны с желаниями, вдруг исполнятся... Та ночь закончилась, как многие другие: плачем в подушку в квартире Джейн. Там мы, по крайней мере, были в безопасности.

Родив, мать нянчила мою сестру загипсованной рукой, а ради заработка устроилась в продовольственный магазин. Никогда не забуду, как грустно и ужасно все это было – опять у меня ни отца, ни собаки, ни дома, ни квартиры, ни друзей, вообще ничего своего. Никогда этого не забуду. И вчерашняя ночь не стала исключением.

* * *

Дорогой Никто!

В детстве я очень гордилась Дарреллом, даже хвасталась им. Я звала его папой и обожала настолько, что даже хотела стать маляром, как он. Потом Даррелл начал принимать наркотики и избивать мою мать, и я начала его бояться, но все еще любила за то, кем он был до наркотиков. Пока матери не было дома, к нам приходили люди и продавали ему кокаин – я однажды сама видела, еще когда во втором классе училась. Даррелл сидел дома, приглядывая за мной и Николь, как вдруг к нашему дому подъехала какая-то паршивая белая машина, вибрируя в такт оглушительному рэпу. Оттуда вылезли два толстых черных парня с золотыми цепями на шеях и направились к нам в кухню. Николь заплакала.

Даррелл дал им денег, а они отдали ему пакет с белым порошком. Это был кокаин. Один из парней курил маленькую трубку. Я спросила, что в пакете, но Даррелл велел мне пойти погулять.

На улице я встретила свою подружку Кристал и попросила ее заглянуть через окно к нам в кухню. Кристал посмотрела и спросила, почему у нас в доме черные. В Сагино, где мы тогда жили, негров вообще не было – городишко крошечный, даже магазинов нет. Кристал призналась, что боится черных, но мне приходилось часто ездить в Филадельфию, я видела

много черных, и все они были нормальные. Я просветила Кристал на этот счет, но мы по-прежнему здорово стремились, что чернокожие забыли у нас в доме.

Пока отчим и его «друзья» были на кухне, мне вспомнилось, как Даррелл в первый раз меня побил. Я тогда училась в первом классе. Однажды утром я вышла в гостиную. Даррелл сидел перед телевизором, пил пиво и жевал пончик.

Терпеть не могу пончики.

Увидев Даррелла с пончиками (мать купила большую коробку), я сказала:

– Съедай их все.

Не успела я договорить, как он вскочил и заорал:

– Чего-чего?!

Он подошел ко мне и врезал. Мать еще спала. Было здорово больно, я долго плакала. Я не могла взять в толк, с чего он кинулся драться, но решила – видимо, ему послышалось «Не съедай их все», да еще менторским тоном.

Но вскоре Даррелл вошел ко мне в комнату, вытащил меня из кровати, посадил на колени и сунул недоеденный пончик:

– На, ешь.

Видимо, так он пытался извиниться.

* * *

Дорогой Никто!

Войдя в квартиру, я еще не успела закрыть дверь, как почувствовала неладное. Беда словно была разлита в воздухе. Мать молча смотрела на меня. У меня упало сердце – что еще стряслось?

Мы уезжаем. В глушь, в захолустье, в Финиксвилл.

Мать решила начать все заново. Ну, спасибо, мам.

Финиксвилл, Пенсильвания Зима 1997 г.

Дорогой Никто!

После переезда я живу с ощущением, что у меня ничего нет. Городишко настолько маленький, что дружеские связи тут завязались много лет назад, и новоприбывшим встрять некуда.

Порой я ужасно устаю от переживаний. Порой я ужасно устаю от всего и не знаю, наладится что-нибудь когда-нибудь или нет. Может, мне просто нужно выспаться – или нужна новая жизнь. Я никогда не была так одинока, а я-то знаю, что такое одиночество. Быть подростком и вообще быть живой и без того сложно. Хожу как потерянная, словно очутившись в незнакомом мире, в чужой стране, одна-одинешенька, и должна строить жизнь заново.

Когда никого не знаешь и никто не знает тебя, невозможно подружиться случайно. Я пробовала ходить за девчонками, держась на расстоянии, но получалось, что я вишу на хвосте (чем я, впрочем, и занималась): «Кто это? Чего она за нами ходит все время?» Я хожу за людьми в надежде на привязанность, на благосклонность, на дом. От компании к компании, от группы к группе, но меня отовсюду пинают, и к концу дня я остаюсь одна, с опущенным взглядом, жалкая, как нелюбимый беспризорный щенок с поджатым хвостом и неприкаянностью в сердце. Мне остается лишь робко навязываться, бродя за другими в надежде, что они не против.

ХА! Раньше я была лидером, душой компании, а теперь меня изгнали в незнакомое королевство.

Два месяца назад я ни за кем не таскалась, а теперь считаю удачей, когда есть за кем увязаться.

* * *

Дорогой Никто!

Мне уже сложно вспомнить, каково жить не белой вороной. Приближаются выходные. Надеюсь, пройдут нормально. Если позвонит хоть один парень или приличная девчонка захочет со мной погулять, это будут хорошие выходные.

Ненавижу все. Меня клинит от одиночества. Дружба мне уже снится – с лицами незнакомцев и смехом чужих голосов.

Я чувствую себя лузером в игре под названием «жизнь». Я сдаю позиции в плане успеваемости, общения, эмоций и даже интеллекта. Я проигрываю себя на пари. Пари о том, что я все-таки выживу и выполню свое предназначение, черная полоса закончится, я обрету вдохновение и найду в себе скрытые таланты.

А пока у меня нет выбора, кроме как жить мечтами и надеяться, что хоть одна из них расцветит реальность.

* * *

Дорогой Никто!

Несколько дней назад из Рединга по работе приезжал Джо и привез с собой двух очень красивых парней моего возраста, очень вежливых и приятных. Мы выпили и покурили травки. Один был ОЧЕНЬ красивый, а другой разговорчивый и красивый, но молчаливый понравился мне больше. Мы разговаривали, и я чувствовала себя ПОЧТИ человеком. Не

знаю, насколько его пробрало – меня просто развезло. Он танцевал и пытался вытащить танцевать и меня, но я не то мало выпила, не то мне больше нравилось смотреть, как он танцует.

Гр-р-р-р! Такого красавца я давно не видела.

Я слишком нализалась, чтобы вспомнить, о чем мы говорили, и почти не помню, как они уезжали.

Я проснулась рано утром, зная, что меня ждет новый день с новыми безымянными лицами.

* * *

Дорогой Никто!

Меня ломает, как от гриппа или еще чего. У меня температура, ломота, головная боль, красное горло, отсутствие аппетита, головокружение, упадок сил и затрудненное дыхание. Тайленол с кодеином почти не помогает, даже если принять столовую ложку вместо рекомендованной чайной.

Ненавижу болеть.

Если бы можно было уничтожить одну вещь в мире, я бы выбрала болезни. Тогда все деньги, которые тратятся на исследования и медицинскую страховку, можно было бы пустить на борьбу с голодом и бедностью. Или деньгами могли бы воспользоваться организации, помогающие животным, женщинам, детям и наименее защищенным группам населения. Средства можно было бы направить на совершенствование образовательной системы. А если что-то останется – отдать на космические исследования.

* * *

Дорогой Никто!

Меня госпитализировали с легочной инфекцией. В легких обнаружился вирус, похожий на ТБ (туберкулез). Врач сказал, что моя иммунная система «стоит не на той передаче» и атакует мой собственный тазобедренный сустав; вследствие воспалительных изменений головка бедренной кости медленно выходит из сустава. Уже больше недели лежу на вытяжке.

Когда меня привезли, врачи стащили с меня штаны и трусы и воткнули иглу длиной в четыре дюйма прямо в вертлужную впадину без всякого новокаина. Больно было адски, но унижение было сильнее боли.

Врачи сказали матери, что если бы она еще тянула с обращением, мое бедро могли бы никогда не вылечить. Я бы либо не ходила, либо сильно хромала всю жизнь. Сказали, пока не ясно, насколько серьезны изменения в суставе.

* * *

Дорогой Никто!

Сегодня меня выписывают. Ни фига не вылечили, просто стабилизировали. Мне в любом случае плевать – я хочу домой. Перед выпиской я выслушала кучу поучений, в том числе идиотскую лекцию про «безопасный секс».

НАШЛИ ДУРОЧКУ!

* * *

Дорогой Никто!

После выписки я некоторое время передвигалась в инвалидном кресле. Большинство девочек в школе держались со мной очень мило и вдруг стали моими подругами – из жалости (ей-богу, лучше прежнее безразличие, чем эта подачка для убогой). Пацаны, как и раньше, вели себя по-скотски, и вскоре я больше плакала от издевок, чем от того, что у меня медленно рвется сустав.

Вчера я кое-как поехала в кресле на ленч, и мальчишки начали надо мной насмехаться, да так жестоко... Я сидела, еле сдерживая слезы. Я так разозлилась, и так мне все осточертело, и так навалились перенесенные унижение и боль, что стыд превратился в слепящую ярость и ненависть – к ним и к себе.

Я оглядела их и заорала изо всех сил:

– Заткнитесь, ЗАТКНИТЕСЬ, ЗАТКНИТЕСЬ, ЗАТКНИТЕСЬ, ЗАТКНИТЕСЬ!!!

Они захохотали, будто ничего смешнее в жизни не видели. Маленькая безобразная калека плачет! Один из них наклонился и сказал прямо мне в лицо:

– А то что? Ты даже встать не можешь!

Лицо запылало, меня затрясло от адреналина. Я схватилась за подлокотники кресла и встала, крича:

– Могу, придурки! Видите, могу!

Бедра болели так, что дыхание перехватывало, но мне было все равно. Плевать, что на меня все смотрят и смеются. Плевать, что трудно дышать. Плевать, что если я упаду, то получу серьезную травму. Я оттолкнулась и сделала несколько шагов. По ощущениям, в бедренные суставы воткнулись два металлических прута. Боль пересилила, и я, всхлипывая, рухнула в кресло.

Дразнившие меня мальчишки застыли, будто увидев привидение.

Слезы обжигали щеки, но я гордилась собой. Я отвоевала толику достоинства, которое у меня похитили инвалидное кресло, больница и соученики.

Мальчишки всем растрепали, что я сделала – ну, встала с кресла. Сначала я надеялась, что все обойдется. Не обошлось. Меня начали называть обманщицей. Дескать, я притворяюсь калекой, чтобы бить на жалость.

На биологии у меня началась истерика, и учитель на руках вынес меня в коридор, а потом в медкабинет. Приехала мать и забрала меня. С того дня я в школу не ходила.

* * *

Дорогой Никто!

Ненавижу людей! Я дошла до ручки. Если почти все умрут ужасной смертью, я буду только смеяться и приговаривать:

– ГОРИТЕ ВЫ В АДУ!

Надо было мне родиться с членом, чтобы весь мир его сосал.

Я хочу вырасти до восьмисот футов и крикнуть: «Пошли вы на...!» всем этим распроклятым людишкам, а затем отрезать им средние пальцы и запихнуть в задницы, чтобы даже до глухих дошло.

* * *

Дорогой Никто!

Сегодня я нашла кольцо, которое потерялось несколько лет назад.

Кольцо было под золото, но покрытие отслоилось и потускнело, и с маленьким розовым бриллианчиком, с которого свисала потемневшая «золотая» балерина. Я носила его на безымянном пальце, а теперь оно налезают только на мизинец. Это кольцо мать купила мне

в девять лет, когда я начала ходить в школу танцев. Заниматься было интересно – я с нетерпением ждала уроков два раза в неделю. Учительница меня очень хвалила, у меня там были подружки, и я ничего не имела против упражнений, которые мы выполняли перед танцами.

Дома я только и делала, что танцевала – иногда целый вечер, пока не приходило время лечь спать. Под игровую мне оборудовали подвал; я приносила туда магнитофон и танцевала. На Рождество у меня всегда было много костюмов, я обожала переодеваться, наносить «грим» и устраивать представления. Я тащила родителей в подвал на свои «шоу». Соседи, друзья, гости – никому не удавалось отвертеться. Стоило человеку зайти в дом, как его дожимали просьбами, кланчили и вообще тянули жилы, вырывая согласие посмотреть представление. Уговорив на один танец, я не давала никому уйти, не показав еще два. Я старалась задержать зрителей как можно дольше, готовая танцевать, пока не кончится кассета.

Вначале зрители изображали восхищение, но несколько песен спустя начинали скучать и говорили, что после этой песни пойдут. Иногда я одевала подружек в костюмы, но показать обычно удавалось полтанца – я либо орала им, чтобы не стояли на дороге, либо ругала за то, что не отступают вовремя.

Всякий раз я представляла, что зеленая стена подвала – это ряды зрителей, которые знают мое имя и боготворят меня. Да, я знаменитость! Прежде чем включить музыку, я объявляла себя другим голосом, иногда даже представляясь вымышленным именем. Мне **ОЧЕНЬ** нравилось выступать!

Потом мать развелась, и мы переехали в тесную «двушку», где танцевать можно было только в гостиной. От моего «арабского колеса» сотрясалась стойка с телевизором, а соседи снизу жаловались на шум.

Тогда я снова пошла в школу танцев и ходила с удовольствием, но из-за болезни пришлось бросить. Иммуниетет вытворял странные вещи – что-то не так с солевым обменом и тазобедренными суставами. Это стало одним из самых больших обломов в моей жизни. Прошло четыре года, прежде чем мне снова разрешили танцевать.

А теперь все по новой.

Финиксвилл, Пенсильвания Весна 1997 г.

Дорогой Никто!

Я понемногу поправляюсь и наконец встала с инвалидного кресла, но со мной происходит что-то странное: я ожесточаюсь. Мое ожесточение горькое и труднообъяснимое. Когда болеешь, окружающие только и делают, что врут. Тебя производят чуть не в святые. Мне сложно объяснить, что чувствуешь, когда за тебя все молятся и желают добра, каково быть предметом благотворительной акции или символом сбора пожертвований, каково вызывать симпатии за счет своей болезни. Но как только вам полегчает, благожелательность обращается на другие цели, и в молитвах вы отходите на второй план, постепенно понижаясь в молитвенном рейтинге, пока не вылетите окончательно.

* * *

Дорогой Никто!

Вам доводилось слышать, как люди говорят: «С друзьями я вынесу все что угодно»? Ну а без друзей что они могут вынести?

Мне сейчас дико трудно. У меня не кризис личности, но я буквально на грани. Я в отчаянии и могу лишь надеяться, что это не бросается в глаза тем, с кем я пытаюсь подружиться. Некоторые со мной общаются, но никто, фигурально говоря, не взял меня под крылышко. Я мечтаю встретить нормальную, дружелюбную девочку, которая захочет со мной гулять, тусоваться или хоть перезваниваться. Сегодня, наверное, сотая пятница, когда у меня нет планов на выходные.

Боже, раньше так никогда не было! Неужели так сложно обзавестись друзьями? Все, кто сюда переехал, успели передружиться. Такое положение дел подрывает мою самооценку, на душе совсем хреново, а от этого еще сложнее заводить друзей. Кем прикажете стать, чтобы выйти из этой ситуации?

Я лузер, законченный лузер. С недавних пор, по крайней мере.

Пора перестать сходить с ума, это меня губит. Меня, а не мою жизнь – у меня нет жизни.

* * *

Дорогой Никто!

Я до сих пор скучаю и понемногу привыкаю скучать. Мне начала нравиться здешняя природа, но окружающие по-прежнему кажутся занудами. Все местные ходят на тарзанку, даже когда слишком холодно, чтобы плавать. Ребятам, которые мне интересны, я безразлична, или они не знают, как выказать свой интерес. Среди них есть симпатичные, которые нормально ко мне относятся, но мне из них никто не нравится. Я запала на одного парня, Джонатана, но общаюсь с ним довольно странно. Мы с ним курили фенциклидин в его белом пикапе. Джонатан со мной заговаривал, но я отвечала скупой и редко (возможно, потому, что была на приходе). Я спросила, не хочет ли он взять мой телефон, но у него не было ручки. Я предложила сходить за ручкой, но Джонатан торопился по срочному делу.

Сперва мне очень нравился его приятель Зак, на вид интеллектурал и красавчик, но Зак даже на приходе едва со мной разговаривает, а прощаясь, не говорит «до встречи» или чего-то подобного. Впрочем, Джонатан этого тоже не говорит.

Должно быть, стремятся моей красотой.

Зак мне нравится, но я уже здорово влюбилась в Джонатана. Черт, меня устроил бы КТО УГОДНО красивый, приятный, кому я нравлюсь, но мне бы очень хотелось, чтобы это был Джонатан! Надеюсь, завтра погода будет хорошая, и я его снова увижу.

* * *

Дорогой Никто!

Вчера вечером я свински **НАБРАЛАСЬ** на пару с матерью и Джо. Кажется, я звонила кому-то малознакомому, но точно не помню, так что не парюсь. Я проснулась с жуткой болью в желудке от выпитого. На тарзанке я встретила Джонатана. Мы покурили травки. Я с ним все пыталась заговорить. Джонатан был вежлив, но держался отстраненно. Он даже был груб со мной. И все равно я надеюсь, что завтра он придет.

Зак сегодня пришел один, как и я. Может, ему тоже одиноко. Он пробыл недолго, и у меня не было возможности наговориться с ним. Терпеть не могу всем существом безмолвно молить о дружбе – это убивает мое эго, которое несколько месяцев назад с презрением отвергло бы саму концепцию целования задниц ради дружбы. Зак ушел, не попрощавшись, но кому какое дело?

Наркота теперь мой лучший друг, только вот мои легкие резко против.

Жертвую собой во имя сохранения крох моего рассудка.

* * *

Дорогой Никто!

Чем я несчастнее, тем больше хочется выпить. Как раз сейчас я **СТРАШНО ХОЧУ ВЫПИТЬ!** Я бы не отказалась от фенциклидина, или кислоты, или даже грибов. Меня разнесло от пива и хавчика после травки – я набрала килограмма три, но это ничего, так я здоровее выгляжу.

Пацаны, с которыми я словила кайф на тарзанке, держались очень дружелюбно. Поднявшись уходить, Джонатан сказал:

– Ну, до выходных, наверное.

Это почти приглашение, какого я не получала уже много месяцев. Трудно общаться, перебарывая застенчивость, но я уже дошла до точки, когда мне **НАПЛЕВАТЬ**. Да, я все еще говорю мало, но хоть вообще говорю. Что со мной случилось? Я ведь была такой свободной, откровенной и экспрессивной! Почему мир делает вид, что не знает меня?

Финиксвилл, Пенсильвания Начало лета 1997 г.

Дорогой Никто!

Сегодня сами знаете кто (Джонатан) у реки не появился, несмотря на прекрасную погоду. Кажется, я загорела. Завтра тоже обещают хороший день. Может, к тарзанке подтянется больше народу, и я смогу обкуриться на халяву – мамин пакет с травой так и лежит у ее подруги Джейн.

Не понимаю, вот просто не понимаю – я такая красивая и вроде не дура (по сравнению со здешней ботвой просто гений), но у меня до сих пор нет бойфренда или даже умной, взрослой, красивой подружки. Глупые здешние пацаны ходят за мной хвостом, но ни у одного нет машины, ума и даже привлекательной внешности. Впрочем, красивых, умных и с машиной мало – я ишу такого с самого переезда. Но буду искать, пока не встречу. И не голимого плейбоя, а чтобы с душой.

Я не дура, я не страшная, мне просто надо дойти до точки, когда во мне не останется застенчивости, а лишь благоговение. Застенчивость нелепа, как большинство защитных механизмов. Значит, нужно потерпеть, и все получится. Всегда кто-нибудь появляется, не стоит торопить события.

Черт, как же мне хочется ту травку! От нее расслабляешься и при этом не психуешь и не дергаешься.

* * *

Дорогой Никто!

Заводить друзей на новом месте – адски трудная задача, особенно для меня. Во-первых, это приходится делать В ОТСУТСТВИЕ ДРУЖЕСКОГО ПЛЕЧА. Во-вторых, надо быть любезной и приветливой со всеми.

Добавьте к этому необходимость постоянно сдерживаться, внимательно и вежливо слушать, когда говорят другие, и не обгаживать их мнение. С тем, кто подличает, хамит или нарочито меня игнорирует, надо быть вдвойне любезной.

Всегда хорошо выглядеть. Правильно одеваться. Смеяться в нужный момент.

Первой сказать о своем низком голосе, чтобы они знали – я уже в курсе, кого или что напоминаю своим басом (спасибо за сравнение), но не унижаться, чтобы они не подумали, будто я себя в грош не ставлю, иначе и они не станут меня уважать (даже если я пошутила).

На приходе всякий раз вспоминать о матери, ~~КАКОЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬНОЙ ОНА СТАНОВИТСЯ НА ПРИХОДЕ~~, и зарубить себе на носу не вести себя, как она.

Смотреть в глаза всем, а не только одному-двум. Не пялиться. Не болтать без умолку.

Прятать шрамы.

Не пытаться доказать, что я больше знаю, даже если я действительно знаю больше.

Не ругаться через слово. Не плевать. Не сутулиться.

Разговаривать, чтобы не приняли за зазнайку, но не слишком громким голосом. Не жаловаться. Не задавать слишком много вопросов, но и не воздерживаться от вопросов вовсе, иначе собеседники решат, что мне не интересно. Не хвастаться. Не рассказывать о себе слишком много.

Может, все же прибегнуть к защитному механизму – копировать кого-нибудь популярного, а когда появятся друзья, понемногу показать свой настоящий характер?

Не получится, я слишком сильная натура. Надо проявлять только положительные качества. Я резкая, вечно стремлюсь верховодить и спорить – и чересчур экспрессивна, ДАЖЕ КОГДА успокоюсь.

* * *

Дорогой Никто!

Сегодня было довольно весело (в основном): я встретила знакомых из Рединга. Мы выпили и пошли плавать. Я им всем понравилась. Когда они ушли, я увидела компанию, которая обычно тусуется у тарзанки. Они угостили меня «Зимой» с водкой. Я была здорово пьяная. Со мной все держались дружелюбно, только одна девица смотрела косо. Или это у меня паранойя?

Ко мне подходили всякие классные парни, там их много. Боже, иногда пацаны такие придурки, когда обдолбанные! Флиртуют всюду, чего я стараюсь не замечать. В общем, день прошел неплохо, хотя и не без ностальгии. Мама уехала к своей сестре, а я легла спать. Проснувшись, я поставила диск и устроила собственную частную вечеринку, перемерила разные наряды, а сейчас села писать. Дальше вы уже догадались – буду смотреть, что показывают по «Эйч-би-о».

* * *

Дорогой Никто!

Вчера вечером у тарзанки я расслаблялась с той компанией. Они курили мой ганджубас, а я пила их пиво (на которое они заметно жабилась). Мы нормально общались, но та девчонка, которой не нравилось, что я с ними, всячески старалась меня задеть или выставить дураком (моя глупость резко усиливается, когда я на приходе, так что с этим я справляюсь и без посторонней помощи). Короче, она начала наглеть, и я ей прямо сказала, что вообще ее не знаю. Она начала еще злее меня гнобить, втянув и кое-кого из парней. Я хотела свести все к шутке и заодно разрядить собственное эго. Проблема как раз в моем ЭГО, но без своего эго я сидела бы дома. Эго – это все, на что я претендую, хотя и сдерживаю его юмором. Не знаю, может, проблема в этом? На сегодняшний день все, что у меня есть, – это я, и даже себя я начинаю терять.

И почему фея-крестная не придет мне на помощь?

В общем, эта сучка меня приревновала и в конце концов восстановила против меня всю компанию. Она знала, куда больнее ударить:

– Так ОДНА и ходишь? У тебя до сих пор нет ни ОДНОГО друга?

И до самого моего ухода меня все клевали – насмехались над моим голосом и тому подобное. Два парня, которых я едва знала, проводили меня до дома. В конце концов я пожалела о том, что пропустила по телевизору, но чего жалеть, моя жизнь сама по себе драма.

Не знаю, почему эта девка так ко мне привязалась. Вот сучка! Может, местность здесь такая, что дети растут ОСОБО жестокими?

* * *

Дорогой Никто!

Сегодня был унылый пасмурный день. Мне он понравился гораздо больше солнечной погоды, и я пошла поплавать. Может, загорев, я похорошею и даже обзаведусь бойфрендом.

Заводить подруг труднее – у парней нет инстинкта «своей» территории или ревности к безмянным красивым девочкам.

Если у меня будет популярный бойфренд с машиной, он станет водить меня на вечеринки и знакомить с другими девчонками. Раньше я не догадывалась, как трудно задумчивым тихоням-новичкам. Я всегда дружелюбно принимала новичков (которые мне нравились), встречая их с энтузиазмом и уважением – больше, чем другие «старенькие».

Неужели нельзя кармически вернуть мне эту заслугу? Ну а пока моя одинокая задница будет смотреть «Седьмое небо».

* * *

Дорогой Никто!

Один парень по имени Микки приглашает меня в гости послушать его группу. Ему только пятнадцать лет. Симпатичный невысокий Водолей, но совсем не годится в бойфренды. Кстати, о птичках: я узнала от одной девчонки, Эдриан (после того, как Микки отказался заниматься с ней сексом), что Микки на меня запал. Может, Эдриан врет, но я настолько одинока и так отчаялась, что обрадовалась – хоть кто-то восхищается и думает обо мне.

Даже если он малость лузер.

* * *

Дорогой Никто!

Я только что проснулась и звоню моей новой подружке Эдриан, чтобы пойти купаться снова (она вроде ничего). Я очень надеюсь встретить у реки Джонатана. Все говорят, что я очень нравлюсь Микки, но мне он не кажется таким уж привлекательным (всем кажется, а мне нет). Кроме того, он плейбой – и у него нет тачки.

* * *

Дорогой Никто!

Вчера мама сказала, что звонил Микки, но я не хочу с ним гулять: вдруг появится кто-то получше, а ему скажут, что у меня уже есть бойфренд? Я очень надеюсь встретить кого-нибудь постарше и с машиной. Хотя с Микки прикольно. Жалко терять его дружбу, особенно когда на дружеском фронте у меня такой голяк. Я сказала ему, чтобы приходил завтра к тарзанке, и он согласился. Может, приведет кого-нибудь. Люблю большую компанию: чем больше, тем веселее.

Воду я ОБОЖАЮ. Как здорово быть среди этих отрицательно заряженных ионов! Я черпаю из воды силу, словно успокаиваюсь в огромных объятиях. Погружаясь в ее спокойную благодать, я чувствую себя человеком в истинном смысле: не так, словно я на этой земле, а будто я часть земли. Я плыву, вбирая мощь изменчивых глубин, и думаю обо всех созданиях, амебах, насекомых и бактериях, которые обитают в подводном мире.

Сегодня вода чище, чем небо. Чем дальше я заплываю, тем меньше вижу в глубину. Ничего не видно ниже поверхности.

В самой плотной глубине ничего нельзя разглядеть.

* * *

Дорогой Никто!

Сегодня на Зака (который мне нравился) приземлилась девица, прыгнувшая с тарзанки. У него синяки на боках. Говорит, жутко больно. Мне его жаль, но, похоже, я его больше не люблю. Парень он нормальный, но под ложечкой у меня уже не замирает.

Да, еще я видела Джонатана, с которым курила фенциклидин (длинные волосы, белый пикап). Он ничего себе, но мало со мной разговаривает. Я весьма не против иметь такого бойфренда, но я его не интересую, особенно в этом смысле. Я ловлю на себе его взгляды, но рядом с Джонатаном чувствую себя душой, будто он меня не одобряет. Может, он вроде меня прежней – тихий, но дружелюбный, и всем кажется, что он задирает нос? Между прочим, я всякий раз его накуриваю, а он меня еще ни разу не накурил.

Больше ни с кем делиться не буду. Мне уже и так все должны.

* * *

Дорогой Никто!

Я, кстати, не говорила, что Джонатан любит Эндрю Ллойда Уэббера, особенно «Иисус Христос – суперзвезда»?

Сегодня мы слушали этот мюзикл в его пикапе.

Знаете, я начинаю думать, что Джонатан, скорее всего, гомик.

* * *

Дорогой Никто!

Хотя мать клялась, что больше этого не повторится, Джо опять живет у нас. Я не вынесу такого издевательства от женщины, которая, как мне сказали, является моей матерью! Сегодня она заявила, что хочет быть с Джо, «а не нравится – ищи другое жилье». ДРУГОЕ ЖИЛЬЕ? Ненавижу ее. Ненависть – слишком мягкое слово. Ей важнее не дочь, а мужчина, который избивает ее на наших глазах, обзывая шлюхой и проституткой. Кто из них больше двинутый, я не знаю, – мать, которая прощает его снова и снова, или Джо, продолжающий над нами издеваться.

Как прикажете к этому относиться?

Я всего лишь человек, а не природная стихия. Я не ангел.

Мать говорит, что выйдет за него замуж. Я ее презираю. Обо мне она вообще не думает. Ну, да, без Джо нам слишком хорошо жилось, вот судьба и спохватилась. Любящая мать, у которой есть на меня время? Которая обо мне заботится? Обо МНЕ? МАТЬ? ЛЮБОВЬ?!

Поражаюсь, сколько у нее сил на Джо, как много любви она ему уделяет. Она отдает ему все, ничего не оставляя на мою долю. Теперь они набрасываются на меня вдвоем, стыдят и ругают за каждую свою ссору. Я у них во всем виновата.

Завтра мы с матерью собирались в кино, но, могу поспорить, не пойдем – Джо не позволит.

* * *

Дорогой Никто!

Сегодня был хороший день. Начался неровно, но закончился прекрасно. Сперва к нам нагрянули копы, потому что у нас с матерью и Джо произошел скандал – хоть в шоу Джерри Спрингера. Когда копы уехали, я пошла плавать. На тарзанке было много народу. Джонатан там тоже околачивался, но я его разлюбила, а нового парня, который мне нравится, Райана, там не было.

Был прекрасный солнечный день. Из-за месячных у меня болела голова и тянуло внизу живота. Я повернула домой, но передумала. Огорчившись, что у тарзанки нет Райана, я хотела уйти, но вскоре мне полегчало, я вернулась – и через некоторое время пришел Райан! Я была счастлива! **День отчего-то вдруг засиял новыми красками!** Я поняла, что по уши влюбилась. Все говорили, что Райан на меня посматривает, когда я не вижу. Он водит машину, он умен – **то, что мне сейчас надо!**

Я набралась смелости и призналась Эдриан и Микки, что он мне очень нравится. Посмотрим, правильно я поступила или нет. Наверное, да – Райан же мне действительно нравится! Райан никогда не оставался надолго и в этот раз тоже уехал рано, а мы все вместе пошли в «Юнимаркет» и встретили знакомых Эдриан и Микки. На их машине мы поехали в Перкиоменвилл в реально крутое место – к железнодорожному мосту высотой сорок футов. С него можно прыгнуть прямо в реку. Восхитительно.

Я забралась на перила, но не прыгнула, испугавшись, что не оттолкнусь достаточно сильно и разобьюсь о камни. Мы с Эдриан вошли в реку по грязи. Вода была исключительно теплая, просто как в ванне! Никогда не забуду эту воду – теплее воздуха. Мы купались голышом. Весело было! Еще один прекрасный день – у меня таких уже три. Вот бы лето никогда не кончалось!

* * *

Дорогой Никто!

Я подружилась с одной девочкой, Трейси. Мы вместе напились, теперь она знает все дерьмо о моей жизни, но не парится. Мне с ней весело – я могу вести себя глупо и даже странно, она при мне тоже. Это круто. У меня чувство, что Трейси такая же верная подруга, как и я. Жаль, она далеко живет, не получится часто гулять.

* * *

Дорогой Никто!

Вчера я попробовала новый наркотик «Особый К», это транквилизатор для животных. Мне очень понравился цвет таблеток – яркий, неоновый-розовый, напоминающий о днях рождения (в детстве я всегда требовала ярко-розовые воздушные шарик). Я приняла все восемь таблеток, которые мне дал один парень, и запила солодовым пивом. Ощущения были не такие, как я ожидала: прихода вообще не наступило, хотя я чувствовала себя иначе, чем обычно, – такой полусон-полуявь.

Если я пыталась встать, ноги подкашивались, а в животе возникало ощущение, будто лифт внезапно остановился.

Вскоре начались «ступоры». Трудно вспомнить, что мне только не приключилось. Наконец меня отпустило, и я попыталась заснуть, но мозг чувствовал себя бодрым и довольным – одна мысль плавно сменяла другую, за ней безразлично приходила третья. Тело стало тяжелым, непослушным, словно внезапно проснулся и несколько секунд не можешь шевельнуться.

Комната кружилась быстрее и быстрее. Я лежала на кровати и смотрела, как она крутится, не в силах сосредоточиться на одной мысли. Затем у меня начались видения.

Я смотрела в экран выключенного телевизора и видела девушку, говорящую на языке жестов так быстро, что почти невозможно было уследить. Я отвернулась от галлюцинации и увидела силуэт высокого поджарого мужчины, который открывал и закрывал дверь. Я пристально уставилась на него и велела ему уйти.

– Оставьте меня одну, – сказала я. – Выйдите, пожалуйста.

При виде незнакомого мужчины в доме мне стало страшно, я даже попыталась закричать, но сил едва хватало на дыхание: коротко вдохнув, я выпускала долгий выдох. Наконец мужчина исчез, но боковым зрением я видела кошек и мышей, шмыгавших по комнате. Если я смотрела на предмет достаточно долго, он начинал дымиться. Ковер – пш-ш-ш, охвачен огнем. Моя подушка. Комод. Пламя было повсюду. В какой-то момент я увидела змею, скользнувшую под ковер, и все начало сливаться в один большой ворсистый оползень. Я попыталась встать и выйти из комнаты, но тут же забыла, зачем встала с кровати. Потом поперло реально страшное дерьмо. Издалека слышались слабые незнакомые голоса. Я повернула голову от кровати к занавешенному окну и увидела, как за шторой проступило лицо. Затем под тканью обрисовалось чье-то тело. Кто-то рвался в комнату сквозь занавески. Меньше чем через минуту глюк прошел, и комната снова начала кружиться.

Следующие два часа я пыталась заснуть. Я считала овец, потом считала от сотни до единицы, с трудом, по слогам называя цифры, будто читая с доски. Не помогало. В голове словно схватились добро и зло:

– Не спи!

– Засыпай!

– Не слушай ее, не будь ребенком, тебе нельзя спать, подумай о посетивших тебя невероятных идеях и мыслях, неужели ты хочешь их позабыть?

– Если сейчас не заснешь, то умрешь.

Я лежала, безучастно наблюдая, как воюют две стороны моей натуры. Уже на рассвете я наконец отключилась.

* * *

Дорогой Никто!

Я много гуляю с Трейси. Она классная. Мы вместе употребили героин и нажили нехилые проблемы, но все равно было прикольно! Типа того. В последнее время я употребляю больше наркотиков, но свою меру знаю.

* * *

Дорогой Никто!

Короче, пару дней назад я, очень пьяная и под кайфом, гуляла с Трейси. Она была не настолько пьяная, как я (меня вообще никому не перепить), а я была **очень пьяная**. И **сильно** под кайфом.

На заправке мы увидели компанию парней и попросили подбросить нас до центра (мы хотели купить еще травки). Они нас немного покатали. Один из парней был очень хорош собой. Оказалось, они учатся в той же школе, что и Трейси. Они высадили нас у моего дома – мне хотелось (позарез требовалось) большую бутылку бренди, которую я прятала в шкафу.

Я вбежала в дом, но, к моему огорчению, мать уже вернулась с работы. Едва она меня увидела, как сразу поняла, что я пила. Она попыталась заступить мне дорогу (я этого не помню, она позже рассказала), но я прорвалась и выскочила из дома. Мать позвонила моему инспектору и накапала, что я снова пьяная и ушла из дома без разрешения.

В разгар дня мы с Трейси шли (ползли) по Маркет-стрит, а потом хотели перейти двухполосное шоссе. Трейси перешла нормально, а я то и дело падала. Машины меня объезжали и сигналили. Коп с парковки окликнул меня и спросил, все ли нормально и могу ли я встать.

Я огляделась, соображая, где его машина, но не могла сосредоточиться. Все кружилось. «Вот черт», – подумала я. Меня вырвало, и все лицо оказалось в этом самом. Я снова упала посреди улицы. Остановилась машина, вокруг собрались люди. Помню, как солнце било в

глаза. Коп взял у меня из руки большую бутылку пива и забрал школьный рюкзак, после чего объявил, что я арестована. Трейси они отпустили (она могла идти и выглядела почти нормально).

Меня отвезли в больницу.

Мать уже сидела там и ждала меня. Я плакала, ругалась и буянила, выпрашивая у матери четвертак на таксофон, но она говорила «нет». Наконец я выпросила мелочь у какого-то студента колледжа с растянутой щиколоткой и позвонила Эдриан с просьбой передать Райану: что бы ни случилось, я его люблю.

Подошел какой-то парень и велел мне следовать за ним. Психологическую оценку проводили, когда меня еще не отпустило, поэтому я болтала языком как нанятая.

Меня спросили, сколько раз у меня был секс, и я ответила:

– Двадцать тысяч раз.

Спросили, играю ли я со своими какашками.

– Конечно, – ответила я. – Что могу – съедаю, остальное прибираю в холодильник на потом.

Врачиха оставила меня в комнате с двусторонним зеркалом. На столе на подносе был чей-то недоеденный обед. Поскольку я ничего не ела с девяти утра, а было уже одиннадцать вечера, я съела жир с куриных костей и холодную печеную картошку, согнав с нее мух. Врач, видимо, увидела, что я ем: она заглянула и спросила, не дать ли мне крекеров или еще чего.

Я была почти в отключке, но смутно помню пожилого мужика, который вез меня в исправительный центр. В машине звучала та же песня, которую я слышу почти каждый раз, когда меня выписывают из больницы.

Оказавшись в исправительном центре, я не понимала, где я, но думать не было сил – навалилась страшная усталость. В кабинете я первым делом наткнулась на стол и упала. Затем пришлось раздеваться догола и даже снять бижутерию перед приятной миниатюрной женщиной. После душа пришла очередь вопросов о моей биографии и почему я оказалась у них. Я засыпала, когда мне задавали вопросы. Через несколько часов меня наконец отправили спать.

Утром я не поняла, где нахожусь. Вчерашний день я помнила смутно и удивлялась, почему на мне казенная одежда. Выглядела я как полное дерьмо. Я решила, что я опять в какой-нибудь психушке. Вообще я была даже рада оказаться не дома – сменить на время обстановку. Мне пришлось все мыть и оттирать, делать, что говорили. Через десять дней меня по распоряжению суда определили в реабилитационную клинику «Фонд „Кьюрон“.»

Я слышала, сюда ложилась Кортни Лав.

Вернерсвилл, Пенсильвания Лето 1997 г. Фонд «Кьюрон»

Совершенство в лечении зависимостей^{IM}

Бланк инвентарной описи

Сюда меня привел алкоголь. Я не знала, что алкоголь может быть наркотиком. Наверное, алкоголь не самый тяжелый наркотик, если пить умеренно, но мне всегда хотелось больше, много больше.

Алкоголь возносил меня в рай, но оставлял в аду. Всякий раз, выпив, я будто видела себя со стороны, словно тело и мозг были на месте, а душа где-то еще. Когда из-за алкоголя портились отношения или еще что, я усматривала в этом очередной повод выпить.

С алкоголем я чувствовала себя живой, будто трезвая я уже не жилица. Алкоголь стал единственным, ради чего стоило жить. Волшебный вкус и запах творили чудо, успокаивая и обнадеживая, что как только я снова проснусь и оживу, то сразу выпью.

Я пила и пила, не обращая внимания на приступы рвоты: я воспринимала их почти как символ того, что алкоголь удаляет желчь не только из организма, но и из моего сознания. Я становилась счастливой и разговорчивой, любимой и смеющейся. Выпив, я испытывала подъем настроения, будто шла по облакам, и все вокруг мне друзья.

Когда скотина-бойфренд платил мне холодностью за любовь, я утешалась алкоголем. Когда меня бросали друзья, втапывая в грязь мою самооценку, алкоголь оставался со мной, придавая смелости (или глупости) совершить поступок. Когда матери не было рядом, чтобы выслушать, алкоголь всегда позволял мне выговориться, не споря и не укоряя. Когда чувства ранили меня, алкоголь их уничтожал.

Красота алкоголя доказывает, что он женского рода.

О, как мне не хватает бутылки в руке, словно собственного младенца, но я ее не зачинала – она зачала меня. Алкоголь превращал меня либо в невинную малышку, хихикающую и веселую, либо в адского монстра.

Выпивая, я всякий раз чувствовала влажную пелену конденсата на бутылке и думала о ней, как о единственном друге, плачущем обо мне. Я нетерпеливо сдирала наклейку, словно разворачивала подарок.

С алкоголем я чувствовала себя в безопасности, будто наконец обрела дом. Алкоголь стал моей матерью, отцом, бойфрендом, подругой и религией. Я пила со страстью. Я всегда первой приканчивала бутылку и первой пьянела, но мне постоянно хотелось еще, и если больше выпить не удавалось, казалось, что я умру.

Не важно, насколько я была пьяна или сколько раз меня рвало, или что я не могла вспомнить, что было три минуты назад и где я нахожусь. С алкоголем я становилась собственной ролевой моделью. Я никогда не была одна – верная подруга Алкоголь никогда меня не обижала. Я обожала ее, лгала, крала, попрошайничала и плакала ради нее. Я отсидела ради нее, я умирала ради нее.

Я ненавидела жизнь, когда не была пьяна.

Я даже не хотела отправиться в рай – ведь алкоголь пришлось бы оставить на земле.

Фонд «КЬЮРОН»

Совершенство в лечении зависимостей™

Дорогой Никто!

Я пытаюсь стать нравственнее. Я уже тридцать дней не употребляю наркотиков и алкоголя. Интересно, смогу ли я начать новую жизнь, когда меня завтра выпишут? Пока мне не кажется, что мне оно надо: прежнее отчаяние отпустило, но это ненадолго. При всех моих благих намерениях алкоголь и наркотики способны превратить меня в ходячую катастрофу. Не знаю почему. Потом становится паршивее, чем было, но под кайфом так хорошо. Жаль, что зависимости высасывают из меня жизнь, оставляя пустую оболочку.

Я хочу быть счастливой, а из-за наркотиков дергаюсь. Из-за них я боюсь будущего. Они пробуждают во мне паранойю.

Но я с этим справлюсь!

С божьей помощью я справлюсь с чем угодно.

Финиксвилл, Пенсильвания Лето 1997 г.

Дорогой Никто!

По сравнению с исправительным центром «Кьюрон» показался раем, но через некоторое время мне и там опротивело. Зато я познакомилась с интересными ребятами. Теперь я по ним скучаю. Я до сих пор общаюсь с Диланом и Хейли: она очень умная (не меньше моего) и чуткая. Кажется, ей можно доверять. Она много знает – больше, чем я (получается, не так уж и много).

Спустя тридцать один день я снова дома. Ситуация под контролем и вроде налаживается. Мне очень помогает Николь, сама того не зная. Я ее очень люблю. Если бы я могла изменить что-нибудь одно, я бы стала такой старшей сестрой, которую заслуживает Николь.

Мне было лет восемь или девять, когда сводная сестра появилась на свет. Пока мать доживала беременность, я все больше проникалась недобрыми предчувствиями. Сначала, когда мать сказала (за обедом), что беременна, я подумала – ну, и что такого? Я не могла взять в толк, отчего соседи и другие поднимают такой шум. Я выказала меньше интереса, чем от меня ждали, – по крайней мере вначале. Наверное, мне просто хотелось подольше побыть единственным ребенком. Но когда мы начали ходить в больницу на занятия, я постепенно прониклась. Я играла, будто мои куклы – это мой новорожденный братик. Я всегда играла, что у меня брат, хотя втайне хотела сестренку. Видимо, на «брата» было легче обижаться – ведь ребенок украдет внимание, уделяемое МНЕ.

Подруга матери Джейн повезла меня в магазин и купила неоновую-оранжевую темную очки, забрызганные черной краской. Очки были безвкусные и на шнурке, чтобы можно было носить на шее (у меня уже были блестящие темно-вишневые очки с пандами в уголках, которые мне купила мама, но Джейн я об этом не сказала). А из магазина мы пошли в больницу, и я подержала Николь, покачиваясь взад-вперед. Я готова была держать ее всегда, свою сестру (хотя и притворялась, что она МОЙ ребенок).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.